

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 4

МОСКВА
2022

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, д. ф. н., академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

Т. В. Скулачева, канд. филол. наук (Москва, Россия);

А. Э. Костюк, канд. филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Метрика и ритмика

<i>И. И. Неццетов</i> Ритмика 5-стопного русского ямба в XX веке	11
<i>С. Е. Ляпин</i> К проблеме стиховедческого описания русских неклассических размеров	37
<i>О. М. Аншаков</i> Двоичное кодирование ритма стихотворного текста: возможные применения и проблемы.....	44
<i>А. М. Левашов</i> Статистический анализ метрической структуры русского верлибра.....	78
<i>К. М. Корчагин</i> Цезура в русском стихе: попытка формального описания.....	86
<i>И. И. Неццетов</i> Об одном подходе к классификации русских сонетов	98
<i>Ю. Б. Орлицкий</i> Силлабо-тоническая метрика в ранней и поздней прозе Б. Пастернака	105
<i>В. В. Журина, Т. В. Скулачева</i> Метрика и ритмика японского стиха: методы исследования.....	120

Рифма, enjambement

<i>С. А. Матяш</i> Левый стихотворный перенос (enjambement) в поэзии Н. А. Некрасова	130
<i>С. А. Матяш</i> Стихотворный перенос (enjambement) в сонетах русских поэтов.....	145
<i>А. С. Кулева</i> Усеченные прилагательные в позиции рифмы.....	160
<i>Г. В. Векшин</i> Теневая рифма и анаграмма (к фонотактике стихотворного текста).....	169

Лексика, семантика

<i>А. В. Гик</i> Конкорданс к стихам М. Кузмина	182
<i>И. Б. Иткин</i> Антистансы (формально-семантический анализ стихотворения Е. А. Баратынского «Мой дар убог и голос мой не громок...»)	193
<i>О. И. Северская</i> Содержание семантических процессов в условиях паронимической аттракции.....	204

<i>Б. В. Орехов, Э. А. Салихова, Н. Н. Александрова</i> Стереоскопическое изображение и мера точности (методика М. Л. Гаспарова и психолингвистический эксперимент)	212
<i>А. Г. Степанов</i> Из истории сапфической строфы: проблема семантики	222
<i>С. Д. Абишева</i> Стиховые парадоксы поэтической группы «Московское время»	245

Б. В. Орехов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)
(Россия, Москва—Санкт-Петербург)
nevmenandr@gmail.com*

Э. А. Салихова

*Уфимский государственный авиационный технический университет
(Россия, Уфа)
salihova2005@yandex.ru*

Н. Н. Александрова

*Независимый исследователь
(Россия, Уфа)
salihova2005@yandex.ru*

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ И МЕРА ТОЧНОСТИ (МЕТОДИКА М. Л. ГАСПАРОВА И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ)

В статье о переводе В. Г. Маранцманом «Божественной комедии» М. Л. Гаспаров говорит о «стереоскопичности», которую получает иноязычный текст в ситуации множественных переводов. Потенциальный читатель, освоивший несколько переводов, получает стереоскопическое видение текста-исходника. Как можно судить по этому утверждению, автор исходит из презумпции смысловой многомерности оригинала и ограниченности перевода в сравнении с подлинником. Логически достраивая мысль М. Л. Гаспарова, можно сформулировать следующую цепочку тезисов: чем перевод дальше от оригинала, тем он одностороннее, а чем он ближе к подлиннику, тем сложнее, потому что лучше воспроизводит многомерность оригинала. В отечественной филологической науке получила сравнительно широкую известность методика, разработанная М. Л. Гаспаровым для оценки точности художественного перевода, принципы которой изложены в статье «Подстрочник и мера точности». В настоящей работе авторы с помощью этой методики задаются целью проверить, что в действительности происходит с рецепцией текста в случае знакомства с несколькими его переводами, правда ли при чтении нескольких переводов происходит «стереоскопизация» текста-источника. «Стереоскопическим» признается такой результат, при котором читатель получит более точное

представление об оригинале, чем при прочтении одного перевода. Был проведен эксперимент с участием 225 испытуемых. С учетом принятых в работе допущений «стереоскопическое изображение» оригинала при прочтении нескольких переводов не получило экспериментального подтверждения.

Ключевые слова: поэтический перевод, лингвистический эксперимент, точность в филологии, Гаспаров, Шелли

Этот текст был написан больше десяти лет назад. Результаты уже были частично опубликованы в [Салихова и др. 2011], но авторы все же ждали возможности напечатать эту статью в коллективном труде-подношении памяти выдающегося ученого, развитие идей которого и составило основу для настоящего исследования. Такой возможности за прошедшее десятилетие не представилось, и теперь наша статья имеет уже скорее исторический интерес. Тем не менее, со стороны филологов, особенно увлеченных количественными методами в гуманитарных науках, заметно внимание к методике М. Л. Гаспарова, позволяющей оценить точность поэтического перевода, так что есть надежда, что наша статья окажется для читателя полезной.

Нашей работе можно было бы дать подзаголовок «Проверяя гаспаровские термины гаспаровскими методами», но это всё же не вполне справедливо, так как речь пойдёт не совсем о термине и не вполне гаспаровском. Однако в своих методах мы по возможности действительно будем стараться следовать тому, что применял в своих исследованиях М. Л. Гаспаров. В центре нашего внимания оказалась его статья «О новом переводе “Ада” Данте, выполненном В. Г. Маранцманом», которую можно считать научно-популярной, а значит, её автор не был обязан следовать жёстким требованиям терминологического словоупотребления, свойственного чисто научному жанру. Оптимально широкий контекст интересующего нас высказывания таков: «В каждой развитой культуре классические памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а в нескольких переводах. Каждый перевод, сколь бы он ни был превосходен, проецирует многомерную сложность подлинника на плоскость, делает оригинал упрощенным и представляет его одно-сторонне. Сопоставляя два или несколько переводов, читатель может получить как бы стереоскопическое изображение оригинала, увидеть его с разных сторон» [Гаспаров 2006: 5]. Как можно судить по этому утверждению, автор исходит из презумпции смысловой многомерности оригинала и ограниченности перевода в сравнении с подлинником. Логически достраивая мысль М. Л. Гаспарова, можно сформулировать следующую цепочку тезисов: чем перевод дальше от оригинала, тем он одно-стороннее, а чем он ближе к подлиннику, тем сложнее, потому что лучше воспроизводит многомерность оригинала. Несколько «одномерных» переводов, накладываясь друг на друга в сознании реципиента, создают «стереоскопический эффект», сравнимый с тем, который произвёл бы на читателя «сложный» оригинал.

Обращает на себя внимание метафоричность последнего в этом ряду утверждения и, конечно, словосочетание «стереоскопическое изображение» не может быть

признано терминологически определённым. Но ради справедливости следует сказать, что за этим псевдотермином стоит, по-видимому, не только личное убеждение учёного, но несомненный переводоведческий стереотип, согласно которому читатель, который ознакомился с несколькими переводами одного и того же текста, оказывается по разным причинам в более выигрышном положении относительно того, кто читал только один перевод. Тем не менее, в тексте М. Л. Гаспарова эта метафоричность особенно заметна в свете не раз отмеченного стремления исследователя к точности в разных смыслах этого слова: от практики внедрения количественных методов в литературоведческие исследования до требовательности в употреблении слов в бытовом общении (см., например, слова О. Седаковой в № 73 журнала «Новое литературное обозрение» о борьбе с невнятиностью).

Мы задались вопросом о том, что же в действительности происходит с рецепцией текста в случае знакомства с несколькими его переводами, иными словами, правда ли при чтении нескольких переводов происходит «стереоскопизация» текста-источника. Ответить на этот вопрос не так просто, потому что речь идёт о недоступном для наблюдения процессе, для изучения которого востребованным оказался гаспаровский инструментарий анализа точности перевода, изложенный в работе «Подстрочник и мера точности» [Гаспаров 2001], к слову, использованный и в статье об «Аде» Маранцмана. Эта методика позволяет на основе объективных данных судить о близости перевода и оригинала. Несколько упрощая (на наш взгляд, не до критических величин) ход мысли исследователя, можно переформулировать основное интересующее нас положение следующим образом: «стереоскопичность» возникает там, где реципиент, который прочёл несколько переводов, оказывается ближе к подлиннику, чем реципиент, который прочёл один перевод, то есть «стереоскопическим» будет такой результат, при котором читатель получит более точное представление об оригинале, чем при прочтении одного перевода. Точность же соответствия оригиналу можно измерить с помощью разработанной М. Л. Гаспаровым методики, предполагающей вычисление коэффициента точности и коэффициента вольности перевода. Первый представляет собой долю точно воспроизведенных слов и слов подстрочника, замененных синонимами, от общего числа слов; второй — долю произвольно добавленных слов от общего числа слов перевода.

Чтобы проверить возникновение «стереоскопичности» мы провели эксперимент с участием 225 испытуемых: 144 студентов технических специальностей и 81 студента-гуманитария. Каждому из них был роздан один из трёх вариантов анкеты, включавший три варианта поэтического перевода стихотворения П. Б. Шелли «То ***». Суть эксперимента состояла в том, что группы испытуемых должны были реконструировать подстрочный перевод поэтического текста, пользуясь его переводами на русский язык, выполненными О. Денисовой, С. Гандлевским, А. Грибановым, А. Шараповой, А. Спаль, В. Корниловым, Б. Пастернаком, К. Бальмонтом (см. «Иностранная литература», 1993, № 1).

Одним из оснований эксперимента стало допущение, что показатель точности и вольности, рассчитанный для данного перевода, является той мерой близости

к оригиналу, в которой находится реципиент, с этим переводом ознакомившийся. Второе допущение состоит в том, что ответ-реконструкция испытуемого соответствует его конечному «впечатлению» от стихотворения после прочтения нескольких переводов.

Далее — по гаспаровской методике — подсчитывается, насколько в действительности человек, ознакомившийся с несколькими переводами, оказывается ближе к подлиннику, нежели реципиент, ознакомившийся с одним переводом. Это и будет проверкой положения о «стереоскопическом изображении»: если показатели точности у реконструкций, составленных испытуемыми на основе трёх переводов, окажутся выше, чем у самих переводов в отдельности (или хотя бы выше среднего арифметического этих показателей для трёх переводов), то наличие «стереоскопического эффекта» следует признать существующим. То же для показателя вольности: если в реконструкциях он будет ниже, чем в переводах (или хотя бы ниже среднего арифметического коэффициента вольности для трёх переводов, с которыми ознакомился испытуемый), то «стереоскопическое изображение» в том смысле, в котором о нём говорит М. Л. Гаспаров, действительно возникает в результате «наложения» переводов друг на друга.

Стихотворение «То ***» содержит 43 знаменательных слова (далее в описании подсчётов слово «знаменательное» опускается). В переводе **К. Бальмонта** воспроизведены 19 слов (*слово, осквернялось, чувство, сердце* и др.), добавлено — 46. Общее количество слов перевода — 65. Показатель точности — $19:43 = 44\%$, показатель вольности — $46:65 = 70\%$.

В переводе **Б. Пастернака** сохранено 10 слов (*одно, слово, любовь, надежда*), добавлено — 26. Общее число слов перевода 34. Показатель точности — $10:43 = 23\%$, показатель вольности — $26:34 = 76\%$.

В переводе **В. Корнилова** сохранено 24 слова (*слово, чувство, надежда, жалость* и др.), добавлено — 9. Общее число слов перевода 33. Показатель точности — $24:43 = 56\%$, показатель вольности — $9:33 = 27\%$.

В переводе **А. Спаль** сохранено 16 слов (*слово, чувство, звезда, ночь* и др.), добавлено — 20. Общее количество слов перевода 36. Показатель точности — $16:43 = 37\%$, показатель вольности — $20:36 = 55\%$.

В переводе **А. Шарановой** сохранено 11 слов (*слово, небо, звезда* и др.), добавлено — 25. Общее количество слов перевода 36. Показатель точности — $11:43 = 25\%$, показатель вольности — $25:36 = 70\%$.

В переводе **А. Грибанова** сохранено 11 слов (*любовь, мотылек, звезда, ночь* и др.), добавлено — 22. Общее количество слов перевода 33. Показатель точности — $11:43 = 25\%$, показатель вольности — $22:33 = 67\%$.

В переводе **С. Гандлевского** сохранено 16 слов (*любовь, надежда, звезда, вдали* и др.), добавлено — 18. Общее количество слов перевода 34. Показатель точности — $16:43 = 37\%$, показатель вольности — $18:34 = 53\%$.

В переводе **О. Денисовой** сохранено 13 слов (*слово, чувство, отчаянье, любовь* и др.), добавлено — 22. Общее количество слов перевода 35. Показатель точности — $13:43 = 30\%$, показатель вольности — $22:35 = 63\%$.

В анкету № 1 (далее — А-1) включены переводы К. Бальмонта, В. Корнилова, А. Шарпаповой. Среднее арифметическое для показателей точности 42% и вольности — 56%.

В анкету № 2 (далее — А-2) включены переводы Б. Пастернака, А. Спаль, С. Гандлевского. Среднее арифметическое для показателей точности 32% и вольности — 66%.

В анкету № 3 (далее — А-3) включены переводы К. Бальмонта, О. Денисовой, А. Грибанова. Среднее арифметическое для показателей точности 33% и вольности — 67%.

Анализ ответов испытуемых первой группы (технические специальности) показал, что средний процент точности и вольности для А-1 составляет 21% и 71% соответственно, для А-2 — 15% и 73%, для А-3 — 20% и 74%. В анкетах участников гуманитарных специальностей средний процент точности для А-1 18%, вольности — 75 %; для А-2 — 13% и 80% соответственно; для А-3 — 14% и 80% (см. таблицу 1).

Таблица 1

участники \ анкеты	А-1		А-2		А-3	
	Точн.	Вольн.	Точн.	Вольн.	Точн.	Вольн.
технические специальности	21	71	15	73	20	74
гуманитарные специальности	18	75	13	80	14	80

Таким образом, процент точности текстов, полученных от испытуемых, оказался меньше среднего арифметического, процент вольности — примерно равен среднему арифметическому для трёх переводов. При этом ощутимой разницы среднего показателя точности-вольности в ответах испытуемых, работавших с разными анкетами, не наблюдается.

Очевидно, экспериментальные данные опровергают изначальное предположение о том, что человек, имеющий перед глазами несколько переводов, ближе к оригинальному тексту, чем тот, что прочитал один перевод.

В большинстве анкет приближенность текста испытуемого к переводу оригинального текста достигается в основном за счет повторения (переписывания) представленных в анкете переводов. Однако так называемое «переписывание», как оказалось, носит выборочный характер. Результаты обработки анкетных данных показали, что «цитируемыми» переводами стали только тексты К. Бальмонта и Б. Пастернака, но не других переводчиков. Можно было предположить, что испытуемые выбирали именно эти переводы в качестве образца потому, что указанные в анкете фамилии их авторов должны быть знакомы, а, следовательно, более авторитетны, чем имена других переводчиков, не известных среднестатистическому читателю. Возможно было бы также, что респонденты ориентировались и на расположение переводов в анкете, где тексты К. Бальмонта и Б. Пастернака помещены первыми. В действительности же повторение эксперимента с изменёнными

анкетами, в которых имена переводчиков были убраны, а порядок расположения текстов в анкете был перемешан, дало аналогичный первоначальному результат, то есть именно Б. Пастернак и К. Бальмон снова стали востребованными для копирования. Вывод может быть только один: этот эффект задан какими-то специальными свойствами самих текстов, а для их выяснения потребуется дополнительное экспериментальное исследование.

Возвращаясь к основному сюжету исследования, отметим, что часть читателей, выполняя задание, больше ориентирована на конкретный перевод, чем на поиск закономерностей всех трех представленных текстов. Отсюда и снижение процента точности ответа испытуемого по отношению к оригиналу.

Среди анкет участников эксперимента выявлен и другой способ воспроизведения оригинала — способ, при котором испытуемый механически (или не вполне механически, но без видимой логики) смешивает фрагменты трех представленных в анкете переводов, составляя текст-центон:

То слово, что стерил уста, —
Не трону устами (из перевода А. Спаль),
Но нам ли с тобой принимать
В глумленье участие (из перевода С. Гандлевского).
Надежда и самообман ... (и далее)
Кружиться планету (все остальное — из перевода Б.Пастернака)

Иногда, в основном опираясь на прочитанные тексты, испытуемый может интуитивно заменить слово, имеющееся в переводе, на другое, кажущееся ему более уместным, и оказывается в результате ближе к оригиналу (*осквернять* вместо *повторять*, *отвергать* вместо *презирать*). Анкеты с такими ответами дают наибольший процент точности. Среди подобных ответов мы выбрали несколько: ответ испытуемого № 125 на основе А-3 дал 65% точности и 30% вольности, т. е. гораздо больше среднего арифметического и больше максимального для данной анкеты коэффициента. Испытуемый сохранил 28 слов оригинального текста (*осквернять*, *презирать*, *любовь*, *надежда* и т. д.), заменил и добавил 12 слов из 40. У экспериментаторов пока нет удовлетворительного объяснения этой единственной в своём роде аномалии. Ответы № 110 (А-1), № 1 (А-3), № 82 (А-1), № 69 (А-1) и некоторые другие дали 39–49% точности тоже в основном за счет повторения слов переводов (преимущественно из перевода К. Бальмонта) и интуитивной замены их на синоним, которого нет в переводе, но есть в оригинале.

Среди ответов с невысоким процентом точности выделяются № 135 (А-1), № 62 (А-1), № 10 (А-3). Так, 135-ая анкета содержит текст с нулевым процентом точности, который не имеет ничего общего со стихотворением Шелли. Текст анкеты № 62 (А-1) дал 2% точности и 97% вольности за счет замены существительного *hope* 'надежда' из подлинника на глагол *надеяться*, без этой замены точность была бы нулевой. Текст анкеты 10 (А-3) дал 4% точности и 96% вольности за счет точного воспроизведения только двух слов оригинала (*word* — *слово*, *hope* — *надежда*).

Ответ № 48 (А-1) заслуживает особого внимания. Текст, полученный от испытуемого, представляет собой добросовестную интерпретацию оригинала. Передавая основные мотивы произведения П. Б. Шелли, испытуемый не переписывал предложенные переводы, а создал собственный текст с хорошо прочитываемой эстетической интенцией. Новый текст, несомненно, отражает специфику видения темы испытуемым, но при этом сохраняет почти половину (20 из 43) слов (49% точности). Добавления, которые делает респондент служат для «украшения» текста (70% вольности). Курсивом обозначены соответствия подлиннику:

Все говорят: *«Слова пусты, они как дым...»*
Не верю я, не верь и ты. Мы сохраним
Те *чувства*, что *втоптали в грязь* подошвы ног.
Прими, прошу я, не смеясь, души цветков.
И давит в грудь в ночи разлук *отчаянье* лет,
И новый путь осветит вдруг *надежды* свет.
Но если нет любви, скажи, не нужно лжи,
Ведь *состраданья* луч зажжет огонь души.

В ходе обработки результатов было замечено, что при реконструкции испытуемый отдаёт предпочтение языковой метафоре перед индивидуально-авторским образованием: более частотны вариации строки «стремление к звезде мотылька» из перевода В. Корнилова, чем «Неудержимо вокруг солнца воздушное облачко вьется» К. Бальмонта. Звезда, ассоциируемая с огнём и источником света, встраивается в традиционный ряд «мотылёк, летящий на огонь». Почти всегда эта строчка заменяется реципиентами аналогом «стремление бабочки/мотылька к звезде/огню/пламени», сохраненным в других переводах, что, на наш взгляд, свидетельствует о свободной смысловой, а не буквальной интерпретации идеи оригинала.

В Словаре поэтических образов мы находим очень подходящие парадигмы: Живые существа → Насекомые → Бабочка треплет свечку: Треплет свечку, морщит пламя [о бабочке] (А. Тарковский): <...> *комары надо мною* <...> *морочат свечу* (А. Парщиков) [Павлович 1999: 168]; *Мотылек, мотылек, / от смерти себя сберег* <...> *Выбрался и глядит, / как «летучая мышь» чадит* (И. Бродский). Живые существа → Насекомые → Насекомое → свет: *И блещут лампы ночных мотыльков* (А. Подолинский) [Павлович 1999: 159]. Таким образом, получается, что ближе всего к оригиналу реципиент оказывается в том случае, если подлинник не «сложный», как постулирует М. Л. Гаспаров, а напротив — шаблонный, «одномерный». Здесь проявляет себя специфика работы эстетического механизма в индивидуальном сознании наивного читателя.

Отметим, что в роли испытуемых первой группы выступали студенты I–II курсов технического вуза, чья профессиональная компетенция не связана с навыками чтения художественных текстов.

Процент точности ответов участников второй группы немного ниже, чем у первой группы, а процент вольности в среднем на 5–6 % выше. Такая разница может

быть объяснима попытками студентов-филологов интерпретировать предложенное стихотворение и привести в него «личностный смысл».

В ходе обработки материала встречались анкеты, в которых предлагалось аналитическое сравнение трех предложенных текстов. Так, испытуемый (А-2, исп. жен., 21 год) пишет: «В первом стихотворении говорится об отношении говорящего к человеку безразличному. В первом столбике слово — стерли, не тронули; во втором слово — издевка; в третьем — рутина...» и т. п. (текст сохранен полностью). Или (А-3, исп. жен., 19 лет): «То слово, о котором говорится в первом катрене (сохранен текст анкеты) — видимо, любовь. Теперь не так мы воспринимаем это слово. Во втором катрене говорится, что любовь — это не слово, это чувство. Никакой формулировке это не поддается. Это выше слов, это святое чувство».

Интересны ответы, в которых вопреки заданию экспериментатора давалась не реконструкция исходного текста, а его описательное реферирование (А-2, исп. Жен., 20 лет):

1. о разнообразном функционировании слов
2. о губительной силе страсти
3. о пустом чувстве...» и т. д. по всем 16 строкам, кроме 10-ой.

Такие ответы не рассматривались с точки зрения их приближенности к оригиналу.

Среди ответов второй группы встречается больше «качественных» интерпретаций (рифмованные тексты, глубоко осмысленные испытуемыми тексты) по сравнению с результатами первой группы: из 144 анкет студентов технического вуза выделялись 1–2 подобные анкеты, то из 81 анкеты филологов — 15 «выдающихся» анкет.

«Стереоскопическое изображение» оригинала при прочтении нескольких переводов не получило экспериментального подтверждения. Тем не менее исследование выявило ряд заслуживающих внимания наблюдений. Возможно, это следствие некоторой идеализации читателя со стороны М. Л. Гаспарова, его конечная вера в человека, присущая эпохе модерна. Реальные же читатели, послужившие испытуемыми в нашем эксперименте, такой веры достойны не вполне и предпочитают простоту красоте и сложности поэтического смысла.

Литература

Гаспаров М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб.: Азбука, 2001. С. 361–372

Гаспаров М. Л. О новом переводе «Ада» Данте, выполненном В. Г. Маранцманом // Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад. Чистилище. Рай / Данте Алигьери; [пер. с итал. В. Маранцмана]. СПб.: Амфора, 2006. С. 5–8.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 тт. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 896 с.

Салихова Э. А., Александрова Н. Н., Орехов Б. В. Стереоскопичность идентификации поэтического переводного текста в сознании индивида // Вестник ВЭГУ. № 3 (53). 2011. С. 90–96.

B. V. Orekhov

HSE University

Institute of Russian Literature,

Russian Academy of Sciences (Pushkin House)

(Russia, Moscow-St. Petersburg)

nevmenandr@gmail.com

E. A. Salikhova

Ufa State Aviation Technical University

(Russia Ufa)

salihova2005@yandex.ru

N. N. Aleksandrova

Independent researcher

(Russia Ufa)

salihova2005@yandex.ru

**STEREOSCOPIC VISION AND A MEASURE OF ACCURACY
(M. L. GASPAROV'S METHODOLOGY
AND PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT)**

In his article about V. G. Marantsman's translation of *The Divine Comedy*, M. L. Gasparov speaks of the "stereoscopic vision" that a foreign-language text receives in the situation of multiple translations. A potential reader who has learned several translations receives a stereoscopic vision of the source text. As can be seen from this statement, the author proceeds from the presumption of the semantic multidimensionality of the original and the limitations of the translation in comparison with the original. Logically building on the thought of M. L. Gasparov, we can formulate the following chain of theses: the further the translation is from the original, the more one-sided it is, and the closer it is to the original, the more complex it is, because it better reproduces the multidimensionality of the original. In Russian philological science is relatively widely known methodology developed by M. L. Gasparov. In this paper, the authors use this methodology to test what happens to the reception of a text when several translations of a text are encountered, and whether or not reading several translations "stereoscopic" of the source text actually occurs. "Stereoscopic" is defined as a result in which the reader gets a more accurate picture of the original than when reading a single translation. An experiment involving 225 people was conducted. Taking into account the assumptions accepted in the work, the "stereoscopic vision" of the original when reading several translations was not experimentally confirmed.

Key words: poetic translation, linguistic experiment, accuracy in philology, Gasparov, Shelley

References

Gasparov M. L. [Subscript and the measure of accuracy] *O russkoi poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki* [On Russian poetry: Analyses. Interpretations. Characteristics]. Saint-Petersburg, 2001. pp. 361–372. (In Russ.)

Gasparov M. L. [On the new translation of Dante's *Inferno* by V. G. Marantsman] *Dante Alig'eri. Bozhestvennaya komediya* [Dante Alighieri. The Divine Comedy]. Saint-Petersburg, 2006. pp. 5–8 (In Russ.)

Pavlovich N. V. *Slovar' poeticheskikh obrazov: Na materiale khudozhestvennoi literatury XVIII–XX vekov* [Dictionary of Poetic Images]. Vol. 1. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)

Salikhova E. A., Aleksandrova N. N., Orekhov B. V. [Stereoscopic identification of the poetic translated text in the individual consciousness] *Vestnik VEGU*, 2011, no. 3 (53), pp. 90–96. (In Russ.)